

— Брат Хуа, Цзыцзюнь! — Император Хуагай издали помахал им рукой.

Дахэй, его верный черный ворон, тут же попытался скопировать этот жест и усердно захлопал крыльями. Туча черных перьев взмыла в воздух и плавно опустилась на императора, с головы до ног засыпав его этим липким пухом. Выглядело это донельзя нелепо: великий правитель Небесного дворца, запутавшийся в перьях, тщетно пытался отряхнуться, но те словно намертво прилипли к его изысканным одеждам.

— Хуагай! Хуагай! — радостно закричал Хуа Тянь, замахав руками в ответ.

Лань Цзыцзюнь лишь тихонько хмыкнул, прикрыв рот ладонью, чтобы скрыть улыбку.

Когда Хуа Тянь и Лань Цзыцзюнь подошли ближе, император оставил бесплодные попытки очистить наряд и смирился со своей участью. Заметив в руках Хуа Тяня глиняный горшок, он сразу понял, что дело увенчалось успехом, и приветливо улыбнулся:

— Поздравляю! Твое первое дело благополучно завершено.

— Рано еще праздновать, Хуагай, все только начинается, — Хуа Тянь осторожно похлопал ладонью по глиняному боку горшка.

— Да ладно тебе, делов-то — устроить им встречу. Разве это трудность? — отмахнулся Хуагай, в глазах которого заплясали хитрые искорки. — Но когда все закончится, с тебя причитается. Не забудь угостить меня хорошим вином!

При воспоминании о прошлом пиршестве и той неловкости, которой оно закончилось, Хуа Тянь невольно вздрогнул. Давать обещания такому собутыльнику он не решился, а потому уклончиво пробормотал:

— Вот закроем дело, там и поглядим. Все потом, потом...

— Об алкоголе можешь даже не мечтать, — безжалостно отрезал Лань Цзыцзюнь. — У нашего Подземного царства нет лишней монеты на ваши глупые пирушки.

На мгновение повисло неловкое молчание. Лань Цзыцзюнь поспешил сменить тему и, повернувшись к Хуа Тяню, бросил:

— Иди вперед, поднимись наверх. Мне нужно переговорить с ним с глазу на глаз.

Хуа Тянь опешил от такой стремительной смены декораций. Он смерил обоих заговорщиков долгим, многозначительным взглядом. Сделав шаг назад, он двинулся прочь со скоростью ленивой улитки, не сводя глаз с Лань Цзыцзюня — словно надеялся, что тот передумает и

окликнет его в последний момент.

— Что ты на меня так уставился? — нахмурился Лань Цзыцзюнь.

От этого взгляда у него внутри шевельнулось досадное чувство, будто его поймали на горячем.

— Пойдем, Дахэй, поспешим, — язвительно бросил Хуа Тянь, похлопав ворона по крылу. — Не будем мешать важным разговорам. А то удостоился тут, понимаешь, августейшего гнева за свое долгое ожидание.

Ворон оказался сообразительнее своего хозяина. Схватив Хуа Тяня клювом за шиворот, он бесцеремонно поволок его прочь из просторного зала.

— И что это сейчас было? — Лань Цзыцзюнь растерянно посмотрел вслед удаляющейся парочке, указывая пальцем в сторону двери.

Хуагай сделал вид, будто не заметил двусмысленных намеков Хуа Тяня, и невозмутимо поинтересовался:

— Цзыцзюнь, о чем ты хотел поговорить?

Лань Цзыцзюнь достал из-за пазухи флейту из фиолетового бамбука и бережно вложил ее в ладонь императора:

— Держи. Возвращаю тебе.

Хуагай задумчиво провел пальцами по прохладному, гладкому дереву. Погладив флейту, он мягким движением вернул ее Лань Цзыцзюню:

— Пусть она останется у тебя. Вещь должна принадлежать своему истинному хозяину.

— И тебе не жаль с ней расставаться?

— Тот, кого я ждал, наконец вернулся, — тихо ответил Хуагай. — Разве теперь это имеет значение?

Император круто развернулся и легким, уверенным шагом направился к выходу. Но у самого порога замер, обернулся к застывшему на месте Лань Цзыцзюню и негромко добавил:

— Скоро полнолуние. Не забудь прийти ко мне.

Крепко сжав в руке бамбуковую флейту, Лань Цзыцзюнь медленно, с тяжелым сердцем побрел в противоположную сторону.

Оказавшись снаружи, раздосадованный Хуа Тянь в отместку принялся лениво тузить ворона кулаками по упитанному, мягкому брюху. Однако птица была не из робкого десятка: Дахэй сердито взмахнул мощным крылом и так поддал обидчику, что тот кубарем покатился по земле. Хуа Тянь распластался в пыли и, даже не пытаясь подняться, злобно забормотал:

— Погоди у меня... Вот вернемся в Подземное царство, я лично с тебя перья обдержу и сварю знатный суп!

Ворон, судя по всему, прекрасно понял угрозу. Птица запаниковала, заметалась на месте, соображая, как задобрить рассерженного хозяина. Наконец, Дахэй неуклюже переставил свои коренастые лапы и неуклюже сиганул в сторону Хуа Тяня. Но в прыжке он ухитрился наступить собственной лапой себе же на когти, потерял равновесие и увесистой тушей рухнул прямо на юношу. Желание подлизаться обернулось покушением на убийство: от сокрушительного удара Хуа Тянь отлетел на пару метров в сторону.

Хуа Тянь со стоном схватился за ушибленную грудь, силясь перевести дыхание. Кое-как придя в себя, он свирепо уставился на виновника своей травмы:

— Нет, суп — это слишком легкая смерть для тебя! Я лично низвергну тебя на самые глубины восемнадцати кругов ада!

— Кар-р! — жалобно завопил Дахэй.

Он бочком попятился к хозяину и принялся робко тыкаться клювом ему в плечо, вымаливая прощение.

Но Хуа Тянь демонстративно отвернулся. «Ишь, распустился! Совсем страх потерял, — ворчал он про себя. — Если я не лезу в драку, это еще не значит, что со мной можно не считаться». Свернувшись калачиком на траве, он углубился в размышления об истинной природе отношений между Лань Цзыцзюнем и императором Хуагаем.

Хуа Тянь был из тех людей, кто скорее лопнет от любопытства, чем откажется от попытки докопаться до истины.

Подошедший вскоре Лань Цзыцзюнь выглядел мрачнее грозовой тучи. Это лишь укрепило подозрения Хуа Тяня. Решив аккуратно прощупать почву, он заговорил вкрадчивым тоном:

— Брат Цзыцзюнь, я ведь тоже человек понимающий, в жизни всякое видал. Вы с ним... ну, я все понимаю. Влюбленные часто ссорятся, это совершенно нормально, дело житейское.

Ответ Лань Цзыцзюня прозвучал в его излюбленной манере:

— Не твое собачье дело.

«"Не твое дело" — читай: "Даже если у нас что-то и есть, тебя это не касается"», — мысленно перевел Хуа Тянь. Резкая отповедь ничуть его не расстроила. Напротив, он едва сдерживал торжествующую улыбку, радуясь собственной проницательности.

На обратном пути ворон летел на удивление плавно. Наслаждаясь мягким ходом, Хуа Тянь благодушно погладил птицу по макушке:

— Ладно уж, летишь ровно — так и быть, живи пока. Прощаю на первый раз.

Поняв, что гроза миновала, обрадованный Дахэй усердно закивал, глупо и радостно закурлыкав в ответ.

А вот Лань Цзыцзюнь всю дорогу молчал, погруженный в невеселые думы. Он даже не замечал свиста ветра. Всю дорогу он судорожно сжимал спрятанную в широком рукаве бамбуковую флейту — так сильно, что его пальцы побелели от напряжения.

Вместо того чтобы лететь напрямик к поместью Лю, они решили опуститься на пустыре на окраине города. Хуа Тяню не терпелось самолично проверить, в каком состоянии находится душа Цзя Ланя внутри сосуда.

— Ну и чего ты ждешь? Открывай уже, — поторопил его Лань Цзыцзюнь, видя, как тот нерешительно вертит горшок в руках.

— Боязно мне как-то. А вдруг оттуда выскочит какое-нибудь жуткое чудище? — Хуа Тянь соорудил испуганную гримасу и всучил сосуд спутнику. — Давай лучше ты.

— Ты дурак или притворяешься? — Лань Цзыцзюнь закатил глаза. — Ты — владыка ада, у тебя всё Подземное царство кишит призраками и нечистью! Кого ты там испугался?

— Это другое! К нашей домашней нечисти я уже привык, она мне как родная, — ничуть не смутившись, парировал Хуа Тянь. — А тут чужой запечатанный горшок. Мало ли какой сюрприз там сидит? Мое нежное сердце такого удара не вынесет.

Лань Цзыцзюнь лишь шумно вздохнул, не в силах спорить с этой нелепой логикой. Обозвав приятеля трусом, он решительным взмахом рукава сорвал печать и скинул крышку.

Из горлышка выплыл крохотный светящийся сгусток. Поднявшись в воздух, он начал стремительно расширяться и обретать очертания человеческой фигуры, пока перед ними не

соткался призрак молодого монаха с тонкими, одухотворенными чертами лица.

— Благодарю за спасение, благодетели, — Цзя Лань смиренно опустился на колени и склонил голову в глубоком поклоне.

— Мы тебя вообще-то спасать не собирались, — проворчал Хуа Тянь, смерив призрака колючим взглядом.

Увидев соперника лицом к лицу, он сразу почувствовал укол ревности.

— Так что избавь нас от своих поклонов.

— О, вы, должно быть, Хуа Тянь? — Цзя Лань с мягким удивлением взгляделся в его лицо. — Инъин часто рассказывала мне о вас.

Хуа Тянь лишь высокомерно вздернул подбородок и недовольно фыркнул.

Проигнорировав эту грубость, монах с тревогой в голосе спросил:

— Прошу вас, скажите, где сейчас Инъин? Что с ней?

— И у тебя еще поворачивается язык спрашивать про нее! — Хуа Тянь мгновенно вскипел, сжав кулаки.

— Но почему я должен молчать? — искренне недоумевал Цзя Лань.

Его чувства к Инъин были чисты и искренни, и скрывать ему было нечего.

— А как же твои обеты? Забыл про монашеские заповеди?! — в сердцах воскликнул Хуа Тянь, заступаясь за Лю Инъин. — Отрекся от мира, ушел в монастырь, но нет — потянуло обратно в мир смертных! Зачем ты сгубил ее жизнь?

— Я принял решение вернуться в мир ради нее! — не уступил Цзя Лань, чей кроткий нрав мигом улетучился под натиском обвинений. В его голосе зазвучала неожиданная сталь. — Мы любим друг друга, и наши чувства взаимны. Какое же это несчастье? Впрочем... вы, верно, никогда никого не любили, раз задаете такие глупые вопросы.

— Любовь у них, надо же! — Хуа Тянь шагнул вперед и вцепился в воротник призрачного одеяния Цзя Ланя. — Да из-за твоей любви Инъин сейчас одной ногой в могиле стоит! А ты тут рассуждаешь о высоких чувствах!

Эти слова громом поразили монаха. Он оцепенел, лицо его побледнело. Все то время, что он провел в заточении внутри темного горшка, он предавался унынию и жалости к себе, даже не задумываясь о том, что происходит с его возлюбленной в мире живых после его гибели.

Придя в себя, Цзя Лань в панике рванулся в сторону поместья Лю. Но путы старинной буддийской ниши, к которой все еще была привязана его душа, не пустили его. Сильный рывок — и призрак навзничь рухнул на сырую землю. Он бессильно колотил кулаками по сухой траве, а по его щекам катились горькие слезы раскаяния и злости на собственное бессилие.

Хуа Тянь и Лань Цзыцзюнь молча наблюдали за этой сценой, не зная, что сказать. Плечи призрака судорожно затряслись, и из его груди вырвался глухой, надрывный стон, переросший в безутешный плач.

— Ну вот, опять ревет, — вздохнул Хуа Тянь, растерянно покосившись на Лань Цзыцзюня.

— Твоя затея, тебе теперь и расхлебывать, — хладнокорно отозвался тот, давая понять, что умывает руки.

— Эй, мы вообще-то в одной лодке! Не вздумай бросать меня одного! — Хуа Тянь мертвой хваткой вцепился в локоть друга, напрочь лишая его возможности сбежать.

Лань Цзыцзюнь смерил его таким испепеляющим взглядом, что Хуа Тянь поспешно отдернул руки. Приняв серьезный вид, он принялся лихорадочно соображать, какими словами можно успокоить бьющегося в истерике монаха.

— Да пропади они пропадом, эти обеты! — вдруг выкрикнул Цзя Лань, резко оборвав рыдания.

Он медленно поднялся с земли, и его красивое лицо исказилось от невыразимой горечи.

— Я обычный смертный человек! Я никогда не стремился к просветлению, не грезил о райских садах Саха! Так почему... почему небо лишило нас права просто быть вместе?!

Сорвавшись на крик, монах окончательно потерял рассудок от горя. В ярости он принялся крушить все вокруг, колотя кулаками по стволам деревьев. От сокрушительных ударов ветви заходили ходуном, осыпая его пожухлыми листьями, а перепуганные птицы с шумом взмыли в темнеющее небо.

— Кажется, он действительно единственный, кто способен вытащить ее с того света, — тихо заметил Лань Цзыцзюнь.

Хуа Тянь тяжело вздохнул. Он ведь искренне хотел помочь влюбленным встретиться, просто решил заранее подготовить парня к плохим новостям. А в итоге вышло так, будто он бездушный злодей, разлучающий любящие сердца.

— Да пощади ты деревья, они-то в чем виноваты? — поморщился Хуа Тянь. — Кончай ломать комедию и строить из себя несчастную жертву. Хочешь увидеть Инъин — живо полезай обратно.

Не давая монаху опомниться, он ловко нахлобучил крышку на горшок, и призрачный силуэт Цзя Ланя мгновенно втянулся обратно в глиняный плен.

Вскоре они вдвоем подошли к поместью Лю. Тяжелые ворота были наглухо закрыты, во дворе царило зловещее безмолвие. Господин Лю давно спешно вывез из усадьбы всех домочадцев, бросив дом на произвол судьбы.

— Проклятье... Неужели мы опоздали и Инъин уже... — Хуа Тянь в панике заколотил тяжелым медным кольцом по дереву ворот.

В душе его шевельнулось липкое чувство вины — не надо было терять драгоценное время на пустую болтовню.

Лань Цзыцзюнь быстро достал из широкого рукава Книгу жизни и смерти. Спешно пролистав исписанные тушью страницы, он нахмурился:

— Жива. Но дыхание ее на исходе. На страницах Книги уже проступают первые багровые чернила ее имени.

— Ну и старый хрыч! — в сердцах сплюнул Хуа Тянь. — Дочь еще дышит, а он уже бросил ее подыхать в пустом доме! Тьфу ты, о чем я говорю... Не умрет она! Мы спасем ее!

Он яростно пнул окованную железом створку ворот, но лишь больно ушиб ногу. Дверь даже не шелохнулась.

— Брат Цзыцзюнь, выручай! Твой выход, — взмолился Хуа Тянь.

И впрямь, в критические моменты вся надежда была только на его невозмутимого спутника.

— Нарушать покой смертных жилищ запрещено небесным законом, — покачал головой Лань Цзыцзюнь. — Будь ты хоть самым Буддой Шакьямуни, без веской причины магия не позволит тебе переступить этот порог.

Законы Трех миров, установленные на заре времен, строго оберегали покой беззащитных людей от произвола божеств и демонов. Нельзя было просто так вломиться в чужой дом с помощью колдовства.

Хуа Тянь заметался у ворот, не находя себе места от досады. Они прошли такой долгий путь,

неужели все сорвется в самый последний миг? Нет, он не позволит Лю Инъин уйти в иной мир с невыплаканной тоской в груди. Он обязан дать ей шанс увидеться с Цзя Ланем! Даже если этот миг станет для нее последним.

Вдруг его лицо озарилось внезапной догадкой.

— Идея! — Хуа Тянь схватил Лань Цзыцзюня за рукав и потащил за собой к глухой кирпичной стене, огораживающей усадьбу.

<http://bllate.org/book/18412/1796464>